

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-1-16>

УДК 314.156

JEL J11, J15, Z13

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕВИТАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ С УЧЕТОМ ЧИСЛЕННОСТИ И ТЕРРИТОРИИ ПРОЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ¹

Э. В. Пешина

Институт философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

<https://orcid.org/0000-0002-4720-2502>

Автор для корреспонденции: Э. В. Пешина (peshina@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлены промежуточные итоги анализа владения родным языком коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России по материалам переписей населения 1926 и 2010 г. с учетом численности и территории их проживания. Предложена группировка народностей с соответствующими языками, для каждой из которых должна быть продумана своя политика как на общегосударственном, так и на региональных уровнях. Основу группировки составила этнорегиональная идентичность. В исследовании использованы общенаучные методы факторного анализа, теории систем, сравнительно-исторического анализа. Важность сохранения разнообразия языков аргументирована тем, что Генеральная Ассамблея ООН провозгласила период с 2022 по 2032 гг. Международным десятилетием языков коренных народов мира. Выводы исследования будут обновлены после публикации результатов Всероссийской переписи населения 2021 г.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, национальная идентификация, языковая ассимиляция

Proposals for the Revitalisation of Languages of the Indigenous Peoples of the Russian North, Siberia and the Far East Considering the Population Size and Areas of Residence

E. V. Peshina

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia).

<https://orcid.org/0000-0002-4720-2502>

Corresponding author: E. V. Peshina (peshina@yandex.ru).

Abstract. The article presents the intermediate results of the analysis of the native language proficiency of the indigenous peoples of the Russian North, Siberia and the Far East based on the censuses of 1926 and 2010, considering the population size and areas of residence. Individual policies at the national and regional levels should be developed in accordance with a proposed grouping of nationalities with the corresponding languages. The grouping was based on ethno-regional identity. General scientific methods of factor analysis, systems theory, comparative historical analysis were used. The importance of preserving the diversity of languages is substantiated by the proclamation of the International Decade of Indigenous Languages 2022-2032 by the UN

¹ © Пешина Э. В. Текст. 2022.

General Assembly. The research findings will be updated after the publication of the results of the All-Russian Population Census of 2021.

Keywords: indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East; national identification; language assimilation

Введение

До настоящего времени в истории коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России (далее по тексту — КМНС) остается много «белых пятен», дискуссионных в различных направлениях наук: региональная экономика, экономика труда, экономика народонаселения и демография, экономика природопользования и т. д.

В связи с перспективами развития арктической зоны и освоения огромных природных запасов активизировались исследования, базирующиеся на информации, хранящейся в фондах российских библиотек и архивах различных российских организаций.

Среди последних крупных международных проектов, по результатам которых опубликованы научные работы: «Советские экспедиции полярной переписи 1926–1927 гг.» [1]; «От пыли к цифрам: десятилетняя программа исчезающих архивов» [2] и др.

Проблематику коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России изучают ученые Латвии [3], Канады [4], Германии [5] и др.

Инициативных российских исследований по КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока немного, как и грантовых публикаций: Ф.Х. Соколова [6]; монография ученых Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая [7]; Е.А. Пивнева [8]; А.Л. Арефьев [9]; А.В. Головнев, Т.С. Киссер [10], Н.А. Филиппова [11] и др.

Представлены результаты исследования с целевой установкой: формулировка ключевых особенностей трансформации личной национальной идентификации народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России с Приполярной переписи 1926–1927 гг. до последней всероссийской переписи населения 2010 г. и предложения по ревитализации языков КМН.

Для достижения поставленной цели было выбрано три базовых параметра, по которым у ученых, исследующих «национальную идентификацию», нет разногласий: язык, численность и территория.

Язык как основа национальной идентификации выделяется учеными с XVIII в. [12, с. 31]. При первой всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. «национальности не входили в перечень вопросов, а население распределялось по родному языку» [13, с. 253].

По результатам исследования были сформулированы выводы о необходимости поиска новых методов и моделей государственного и регионального управления этнонациональными вопросами. Предложена группировка народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с соответствующими языками, для каждой из которых должна быть продумана своя политика

по ревитализации языков как на государственном, так и на региональном уровнях.

1. Первый блок показателей — язык и численность населения.

В данном блоке было выделено два динамических ряда и коррелировано с языковой ситуацией по последней переписи населения 2010 г.:

а) результаты анализа численности КМНС с 1926 по 2010 г. по ВПН (всеобщая перепись населения / всероссийская перепись населения, далее по тексту — ВПН);

б) общие тенденции по численности населения, считающего родным языком: язык своей национальности или русский язык.

1.1. Рост численности по ВПН с 1926 г. по 2010 г. составил 30 % (с 198,921 тыс. чел. до 257,895 тыс. чел.; по современному перечню 40 народностей КМНС).

Все переписные листы переписей населения с 1926 по 2010 г. включали вопрос о народности / национальности по самоопределению опрашиваемого. В переписных листах 2010 г. к вопросу был дан комментарий: «По самоопределению в соответствии со ст. 26 Конституции РФ», а также была предусмотрена формулировка «отказ от ответа». Национальную принадлежность детей до 14 лет называли родители (усыновители, опекуны, попечители или иные их законные представители). Таким образом, КМНС самостоятельно определяют свою национальность.

1.2. Тенденции по численности населения, считающего родным языком язык своей национальности или русский язык.

По КМНС имеется устойчивая тенденция к сокращению населения, считающего родным языком своей национальности (по 40 народностям в общей численности населения): 1926 г. — 87 %, 1959 г. — 73 %, 1970 г. — 66 %; 1979 г. — 61 %, 1989 г. — 53 %, в 2002 г. перепись не содержала вопроса о родном языке, 2010 г. — 34 %. Почти за 80 лет сокращение составило 53 % в относительном выражении.

В целом по КМНС имеется устойчивая тенденция к увеличению населения, считающего родным языком русский язык (по 40 народностям в общей численности населения): 1959 г. — 18 %, 1970 г. — 25 %; 1979 г. — 31 %, 1989 г. — 37 %, в 2002 г. перепись не содержала вопроса о родном языке, 2010 г. — 49 %. Таким образом, согласно последней переписи 2010 г., почти 50 % численности северных народов родным языком считают русский язык.

1.3. Самоидентификация КМНС по владению родным языком по ВПН–2010.

Этнос КМНС перешел на русский язык (свыше 90 % численности народностей считают родным языком русский): алеуты, ительмены, камчадалы, кереки, нивхи, ороки, орочи, тазы, тофалары, ульчи, чуванцы, чулымцы; или на государственный язык проживания (тувинцы-тоджинцы на тувинский язык Республики Тыва, сойоты на бурятский язык Республики Бурятия).

Результаты переписи населения 2021 г., скорее всего, «зафиксируют» исчезновение следующих языков: керекского, алюторского, чуванского, орочского. Под большим вопросом «живучести» остаются языки, на которых разговаривают менее 50 чел. на территории России: алеутский, энецкий, негидальский, орокский (ульта/уйльтра), чулымско-тюркский.

Согласно классификации ЮНЕСКО, существует шесть уровней степени угрозы существования языков: безопасный (*safe*), уязвимый (*vulnerable*), под угрозой (*definitely endangered*), серьезно уязвимый (*severely endangered*), критически уязвимый (*critically endangered*), вымерший (*extinct*). Согласно данной классификации на 2010 г. в России с 3-й по 6-ю группы выделен 131 язык, в т. ч. по языкам КМНС [14]:

- шестая группа (вымершие языки): керекский, алюторский, чуванский, сойотский;

- пятая группа (критически уязвимые языки): ительменский, юкагирский, алеутский, нивхский, энецкий, селькупский, негидальский, ульчский, орокский (ульта/уйльтра), удэгейский, орочский, чулымско-тюркский, тофаларский, саамский.

Таким образом, из 40 языков этноса КМНС 4 языка (10 %) отнесено к вымершим и 14 языков (35 %) к критически уязвимым.

Начиная с 2002 г. в переписи населения происходит официальное «добавление» языков для групп национальностей. Так, например, для коряков параллельно корякскому добавлен алюторский; для кетов параллельно кетскому добавлен хантыйский и югский и т. д.

Итак, согласно классификации ЮНЕСКО, 45 % языков КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока находятся в 5-й и 6-й группах.

Высокие показатели, по сравнению с другими народами, на уровне свыше 30 % владеющих языком своей национальности, наблюдаются только по трем народностям: ненцы — 43,8 %; вепсы — 39,8 %; телеуты — 35,5 %.

2. Второй блок показателей: язык, численность населения и территория проживания. Данный блок показателей можно «проверить» через общие правила, сформулированные известным советским лингвистом В.А. Аврориным, автором многочисленных работ по народам Севера.

2.1. «Чем выше численность народа (и его компактность), тем больше простора для функционирования и функционального развития языка, и, наоборот, чем ниже численность народа (и его компактность), тем возможности развития языка ограниченнее» [15, с. 110].

Данное «правило» в современных условиях «не работает», что можно проиллюстрировать выборочными цифровыми данными: по восемь народностей с максимальной и минимальной численностью за 2010 г. (табл. 1).

Согласно представленным данным таблицы 1, основанным на официальной статистической информации ВПН-2010, народности манси

Таблица 1

Владение языком своей национальности по КМНС с максимальной и минимальной численностью по ВПН–2010

№ п/п	Народность	Численность по ВПН-2010, тыс. чел	Динамика численности 2010 г. к 1926 г., %	Владели языком своей национальности в общей численности национальности, %
<i>Народности с максимальной численностью</i>				
1	Ненцы	44,64	+154	43,8
2	Эвенки	37,843	–2	11,4
3	Ханты	30,943	+39	28,6
4	Эвены	22,383	+995	21,9
5	Чукчи	15,908	+29	28,7
6	Шорцы	12,888	+2	20,4
7	Манси	12,269	+113	6,8
8	Нанайцы	12,003	+105	6,6
<i>Народности с минимальной численностью</i>				
1	Энцы	0,227	–9	15,9
2	Алеуты	0,482	+37	3,9
3	Челканцы	1,181	+38 (2010 к 2002)	24,3
4	Телеуты	2,643	+39	35,5
5	Кумандинцы	2,892	–54	18,0
6	Селькупы	3,649	+124	25,9
7	Нивхи	4,652	+14	3,9
8	Вепсы	5,936	–82	39,8

и нанайцы при положительной динамике численности с 1926 г. показывают крайне низкие показатели владения родным языком на фоне народностей: энцев, кумандинцев и вепсов с отрицательной динамикой населения.

Таким образом, в период с Приполярной переписи 1926/1927 гг. и до 2002 г. то, что считалось «правилом», в настоящее время не является показателем национальной идентификации.

2.2. «Благоприятность условий для функционального развития языка прямо пропорциональна степени территориальной компактности его носителей» [15, с. 108]: это второе «правило», сформулированное В.А. Аврориным.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Во-первых, из 40 народностей, по которым имеются данные за 1959 г. и 2010 г., то есть за 51 отчетный год, значительные изменения в структуре расселения можно отметить только по вепсам, шорцам и эскимосам. По остальным народностям наблюдается привычная полувековая «оседлость» на территории.

Так, в 1959 г. почти 94 % народности вепсов проживало в Республике Карелия и Ленинградской области. В 2010 г. 94 % вепсов расселились на территории 6 субъектов: преимущественно в Республике Карелия (57,7 %), где для вепсов «предпринимаются усилия по возрождению народности», в Ленинградской области — 23,2 %, где до настоящего времени существуют «вепские деревни», почти 7 % в Вологодской области, 4,6 % в г. Москва, 1,4 % в Мурманской области, 0,8 % в Кемеровской области.

Еще раз можно отметить, что из 40 КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока с 1926 до 2010 гг. наибольшее сокращение произошло именно по вепсам: 1926 г. — 32,784 тыс. чел., 2010 г. — 5,936 тыс. чел. (т. е. уменьшение почти в 5,5 раз). Шорцы в 1959 г. — 91,5 % численности народности проживали на территории Кемеровской области, в 2010 г. — 82,8 % проживали в Кемеровской области и 8,9 % в Республике Хакасия. Эскимосы с территории преимущественного проживания Чукотского АО (1959 г. — 95,8 %) переместились в Магаданскую область — 1,9 %, Хабаровский край — 1,2 %, Камчатский край — 0,8 %.

Во-вторых, возвращаясь к таблице 1 по народностям: манси и нанайцы с низкими показателями владения языком своей национальности — 6,8 % и 6,6 % соответственно за 50 отчетных лет не изменили территорию своего проживания — около 90 % народностей и в 1959 г., и в 2010 г. находятся на территории одного субъекта РФ.

В-третьих, можно отметить традиционную территорию проживания КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока (табл. 2), которая характеризуется низкой плотностью населения. Так, при среднем значении плотности населения по России 8,57 чел/км², плотность населения в Чукотском АО — 0,07 чел/км², Ненецком АО — 0,25 чел/км², Магаданской области и Республике Саха (Якутия) — 0,31 чел/км² и т. д.

Согласно данным таблицы 2 можно выделить следующее:

- 24 народности — около 63 % от общего числа 38 народностей (без аллюторцев и кереков), или 31 % (79,254 тыс. чел.) общей численности КМНС за 2010 г. на 80 % сосредоточено в одном субъекте РФ;

- 12 народностей — около 31 % общего числа народностей, или 37 % (94,365 тыс. чел.) общей численности преимущественно проживают на территории 2-х субъектов РФ;

- около 80 % эвенов проживают на территории трех субъектов РФ (Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Камчатский край);

- около 80 % эвенков проживают на территории 4-х субъектов России (Республика Саха (Якутия), Хабаровский, Красноярский край, Республика Бурятия).

На территории одного субъекта РФ (всего 14 субъектов РФ) сосредоточено около 80 % населения 24 КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока:

- Иркутской области: тофалары (89,0 %);

- Камчатском крае: алеуты (83,2 %), камчадалы (80,5 %), коряки (83,5 %);

Таблица 2

Группировка КМНС по размещению на территории РФ по ВПН-2010

Показатель	80 % населения народности проживают на территории:			
	одного субъекта РФ	двух субъектов РФ	трех субъектов РФ	четырёх субъектов РФ
Количество народностей	24	12	1 (эвены)	1 (эвенки)
% общего числа народностей (38 — без алыторцев и керексов)	63	31	3	3
Количество, тыс. чел.	79,254	94,365	19,578	32,455
% общей численности 40 народностей по переписи 2010 г.	31	37	8	13
Число субъектов РФ, на которых проживают соответствующие народности	14	15	3	4

- Кемеровской области: телеуты (95,3 %), шорцы (82,8 %);
- Красноярском крае: нганасаны (93,6 %), энцы (97,4 %);
- Мурманской области: саамы (90,3 %);
- Приморском крае: тазы (92,3 %);
- Республике Алтай: теленгиты (98,3 %), тубалары (96,2 %), челканцы (94,2 %);
- Республике Бурятия: сойоты (99,2 %);
- Республике Саха (Якутия): юкагиры (79,9 %);
- Республике Тыва: тувинцы-тоджинцы (99,9 %);
- Сахалинской области: ороки (87,8 %);
- Хабаровском крае: нанайцы (91,7 %), негидальцы (93,6 %), ульчи (94,8 %);
- Ханты-Мансийском автономном округе — Югре: манси (89,5 %);
- Чукотском АО: чуванцы (89,5 %), чукчи (80,3 %), эскимосы (88,0 %).

Таким образом, можно сформулировать очередной вывод, что и «второе правило», влияющее на национальную идентификацию, в настоящее время не является показательным.

Многие ученые указывают на необходимость поиска новых методов и моделей государственного и регионального управления этнонациональными вопросами.

«В России назрела острая необходимость формирования новой государственной политики в отношении КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока» [16, с. 138]; «в целом этнодемографическая ситуация в арктическом регионе требует разработки эффективной модели государственного и регионального управления этнонациональными процессами» [6, с. 163].

3. Предложения по ревитализации языков КМНС.

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, функционирующая с марта 1990 г., в 2017 г. опубликовала Народную программу: Коренные 2021 «Земля, традиции, будущее» [17]. В данном документе продекларировано следующее:

— «Языки КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ отражают связь между прошлым, настоящим и будущим. Таким образом, родные языки являются самым сильным инструментом сохранения и развития нашего материального и духовного наследия» [17, с. 8];

— «Разработать и принять программный документ, направленный на сохранение и развитие языков КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, предусматривающий разработку специальных программ и учебно-методических комплексов для обучения родным языкам по различным возрастным группам» [17, с. 8]. Программа не была реализована.

Автором настоящего исследования осуществлена группировка народностей с соответствующими языками, для каждой из которых должна быть продумана своя политика как на государственном, так и на региональном уровнях.

В основу должна быть заложена этнорегиональная идентичность. «Этнорегиональность — одна из уникальных особенностей российского общества, связанная с высокой степенью этнического смешения населения» [18, с. 194]. «Территориальная этничность может осуществиться лишь на основе этнизации индивидуальной идентичности населения страны» [19, с. 149].

Всего выделено пять групп.

Первая группа — народности КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока по ВПН-2010, считающие родным языком русский язык (более 90 % в общей численности народности), что отражено в таблице 3. Данную группу представляют 8 народностей с крайне малыми значениями владения языком своей национальности (от 0,5 до 5,1 % в численности народности) и «молодым» населением. Если средний медианный возраст по России по ВПН-2010 равен 38 годам [20, с. 28], то в данной группе ни одна народность не приблизилась к данному показателю. Средний расчетный медианный возраст по КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока по ВПН-2010 составил 29,2 года.

В таблице 3 осуществлена дифференциация по проживанию народностей: на территории одного или двух субъектов РФ — для реализации или координации региональной политики.

Вторая группа — народности КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока по ВПН-2010, считающие родным языком язык своей национальности, свыше 35 % численности народности. Данную группу представляют 11 народностей в основном с положительной динамикой численности населения и молодым поколением.

Таблица 3

**Народности КМНС по ВПН–2010, считающие родным языком русский язык
(более 90 % в общей численности народности)**

№ п/п	Народность	Рост численности, 2010 г. к 1926 г., %	Владеют языком своей национальности в общей численности национальности, %	Медианный возраст, лет
Более 90 % общей численности народности родным языком называют русский				
<i>Положительная динамика роста численности населения</i>				
Свыше 80 % народности проживают на территории одного субъекта РФ				
1	Алеуты	+37	3,9	34,1
2	Ороки	+82	3,4	29,1
3	Тофалары	+84	1,4	27,5
4	Ульчи	+282	5,1	28,4
80 % народности проживают на территории двух субъектов РФ				
5	Нивхи	+14	3,9	27,5
<i>Отрицательная динамика роста численности населения</i>				
80 % народности проживают на территории двух субъектов РФ				
6	Ительмены	–24	1,8	30,4
7	Орочи	–8	0,5	27,3
8	Чулымцы	–46	4,8	33,7

В группе особый интерес представляют челканцы (горно-алтайская группа языков) с положительной динамикой численности населения. Челканский язык официально является бесписьменным, но 55 % численности народности называют его родным, а 24 % народности челканским языком владеет. Несмотря на владение русским языком 99 % челканцев, родным языком русский называют только 40 % численности народности.

Третья группа — народности КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока по ВПН-2010, считающие родным языком язык своей национальности, менее 35 % численности народности. В данной группе 13 народностей. Наибольшую тревогу в данной группе вызывают:

а) вепсы — отрицательная динамика численности населения, высокий уровень владения языком (39,8 % численности народности), но вепсский язык называют родным только 28 % численности народности. Для данной народности характерно старение населения. Медианный возраст — 54,8 лет — это максимальное значение среди 40 КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока;

б) кумандинцы — отрицательная динамика численности населения и старение населения. Медианный возраст — 40,8 лет;

в) эвены — с 1926 г. по 2010 г. численность населения выросла с 2 тыс. чел. до 22,383 тыс. чел., или в 11 раз. Около 30 % численности народности (по последней переписи) родным языком называют русский. Считают родным языком эвенский (ламутский) 25 % численности народности,

а владеют им только 22 %. Ситуация усугубляется тем, что около 80 % народности проживает на территории трех субъектов РФ. Эвены по численности народности находятся на четвертой позиции после многочисленных среди КМН Севера, Сибири и Дальнего Востока: ненцев, эвенков и хантов.

г) эвенки — отрицательная динамика численности населения, рассредоточенность народности на территории четырех субъектов РФ.

Четвертая группа — народности, официально перешедшие на другие языки и показывающие нулевые значения как по отношению к своему родному языку, оставшемуся в прошлом, и не владеющие им. В данной группе 6 народностей, являющихся в основном бесписьменными до настоящего времени и со средними значениями медианного возраста.

Пятая группа — народности, дошедшие до 2010 г. с численностью до 5 человек с бесписьменными языками, не признающие языка и не владеющие им: алюторцы и керекы.

Таким образом, 40 КМНС распределились:

- 8 народностей (20 % от 40) для которых родной язык заменил русский и которые более 90 % в общей численности населения родным языком называют русский язык;

- 11 народностей (28 % от 40) для большей трети численности которых родным языком был и остается национальный язык;

- 13 народностей (32 % от 40) для меньшей трети численности которых родным языком остается национальный язык. Данная группа крайне неоднородна по показателям динамики численности населения, расселением населения на территории РФ и с высокими показателями постарения населения;

- 6 народностей (15 % от 40), которые официально перешли на другие языки и оставили в прошлом признание и владение языком, поскольку до настоящего времени практически все являются бесписьменными;

- 2 народности (5 % от 40) с численностью до 5 человек, не знающие родного языка и являющиеся бесписьменными.

Заключение

С предложением пяти групп КМНС для разработки дифференцированной государственной и региональной политики по ревитализации языков не снижается роль и значение общественности в данном вопросе. Поэтому в заключение исследования приведем следующее высказывание: «Ревитализация языка — это долгосрочный процесс, который занимает несколько поколений и требует активной поддержки не только со стороны государства и представителей местной власти. Важнейшее условие для удачной языковой ревитализации — это интерес, энтузиазм и активность языкового сообщества в языковом планировании и в языковой работе. Ревитализация начинается в семье и в голове каждого индивидуального человека, и ее удача зависит от согласия людей взять на себя ответственность и вложить свои личные силы в этот процесс» [5].

Список источников

- [1] *Anderson D. G.* The 1926/27 Soviet Polar Census expeditions. New York : Berghahn Books, 2013. 332 p.
- [2] From dust to digital: ten years of the Endangered Archives Programme. Open Book Publishers. Cambridge : Open Book Publishers, 2015. 651 p.
- [3] Ethnicity, Memory and Social Anthropology. 2021. No. 16. 108 p.
- [4] *Ziker J. P., Anderson D. G.* Introduction to the Special Issue on Siberian Demography // *Sibirica*. 2010. Vol. 9, No. 3. P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2010.090301>.
- [5] *Шеллер Э.* Ситуация саамских языков в России // Языки и культура кольских саами ; под. ред. И. Б. Циркунова. Наука и Бизнес на Мурмане. 2010. № 2 (69). Мурманск : Мурманское областное книжное издательство, 2010. С. 15–27.
- [6] *Соколова Ф. Х.* Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2015.21.151>.
- [7] Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С. В. Соколовский, Е. И. Филиппова, И. Л. Бабич и др.; отв. редакторы Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Горячая линия — Телеком, 2019. 260 с.
- [8] *Пивнева Е. А.* Коренные малочисленные народы Севера в поликультурном пространстве Западной Сибири: к проблеме этнической идентификации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 68. С. 109–115. (История). DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/68/15>.
- [9] Социология языка. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / А. Л. Арефьев; под ред. Г. В. Осипова. 3-е изд., пер. Москва : Изд-во Юрайт, 2020. 355 с.
- [10] *Головнев А. В., Киссер Т. С.* Проекция этничности коренных малочисленных народов России (по данным веб-опроса) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 80–89. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2\(71\)-80-89](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2(71)-80-89).
- [11] *Филиппова Н. А.* Современные институты права коренных малочисленных народов и новейшие тенденции их развития в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 141–151. DOI: <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-141-151>.
- [12] *Миллер Г. Ф.* История Сибири: в 2 т. Москва : АН СССР, 1937–1941. Т. 1. 607 с.
- [13] *Имichelов А. В.* Народы Сибири во Всесоюзной переписи населения 1939 г. // Гуманитарный вектор. 2011. № 4 (28). С. 250–254.
- [14] *Atlas of the World's Languages in Danger*. 3rd ed./Ch. Moseley (ed.). Paris, 2010. UNESCO Publishing. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (accessed: 19.04.2022).
- [15] *Авrorин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Ленинград : Наука, 1975. 276 с.

[16] *Виноградова С. Н.* Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 127–139.

[17] Народная программа: коренные 2021 «Земля, традиции, будущее». Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Москва, 2017. 12 с. URL: http://raipon.info/documents/Docs_RAIPON/%D0%9D%D0%9F%202021+.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

[18] *Гашилова Л. Б., Набок И. Л.* Этнорегиональное образование на Севере: пути развития и модернизации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. (Изд-е 2-е, перераб. и доп.). Москва : Издание Совета Федерации, 2013. С. 191–201.

[19] *Соколовский С. В.* Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. 2005. Вып. 11. С. 144–167.

[20] Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года // Федер. служба гос. статистики. Москва : ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

References

[1] Anderson, D. G. The 1926/27 Soviet Polar Census expeditions. New York: Berghahn Books, 2013. 332p.

[2] From dust to digital: ten years of the Endangered Archives Program. Open Book Publishers. Cambridge: Open Book Publishers, 2015. 651 p.

[3] Ethnicity, Memory and Social Anthropology. 2021. No. 16. 108 p.

[4] *Ziker J. P., Anderson D. G.* Introduction to the Special Issue on Siberian Demography // *Sibirica*. 2010. Vol. 9, No. 3. Pp. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2010.090301>.

[5] Scheller, E. The Saami languages situation in Russia // Languages and culture of the Kola Saami. Science and Business on Murman / ed. I. B. Tsirkunov. 2010. No. 2(69). Murmansk: Murmansk Regional Book Publishing House. Pp. 15–27.

[6] *Sokolova F. Kh.* Ethnic и demographic processes in the Russian Arctic// *Arctic and North*. 2015. No. 21. Pp. 151–164. DOI: <http://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2015.21.151>.

[7] Is the death of the tongue the death of the people? Language situations and language rights in Russia and neighboring state // S. V. Sokolovsky, E. I. Filippova, I. L. Babich et al.; eds. E. I. Filippova, S. V. Sokolovsky. M.: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology. Hotline — Telecom, 2019. 260 p.

[8] *Pivneva E. A.* Indigenous peoples of the North in the polycultural space of western Siberia: on the problem of ethnic identification// *Tomsk State University Journal of History* 2020. No. 68. Pp. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/68/15>.

- [9] Sociology of language. Languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: monograph / A. L. Arefiev; ed. G. V. Osipova. 3rd ed., trans. M.: Yurait Publishing House, 2020. 355 p.
- [10] Golovnev A. V., Kisser T. S. Ethnicity projections of the indigenous minorities of Russia (web survey data) // Ural Historical Journal. 2021. No. 2(71). Pp. 80-89. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2\(71\)-80-89](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2(71)-80-89).
- [11] Filippova N. A. Modern institutions of indigenous peoples' law and the latest trends in their development in Russia // Surgut State University Journal. 2021. No. 2. Pp. 140-151. DOI: <http://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-141-151>.
- [12] Miller G. F. History of Siberia: in 2 vols. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1937-1941. Vol. 1. 607 p.
- [13] Imihelov A. V. Peoples of Siberia in the All-Union census of 1939 // Humanitarian vector. 2011. No. 4 (28). Pp. 250-254.
- [14] Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd ed. / ed. Ch. Moseley. Paris, 2010. UNESCO Publishing. URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> (accessed on 19.04.2022).
- [15] Avrorin V. A. Problems of studying the functional side of the language (to the question of the subject of sociolinguistics). L.: Nauka, 1975. 276 p.
- [16] Vinogradova S. N. Forming of the public policy with respect to the indigenous peoples: retrospective analysis // Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 2. Pp. 127-139.
- [17] People's Programme: Indigenous 2021 «Land, Tradition, Future». The Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. M. 2017. 12 p. URL: http://raipon.info/documents/Docs_RAIPON/%D0%9D%D0%9F%202021+.pdf (accessed on 28.04.2022).
- [18] Gashilova L. B., Nabok I. L. Ethno-regional education in the North: ways of development and modernization // Current state and ways of development of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. (Second edition, revised and enlarged). M.: Edition of the Federation Council, 2013. Pp. 191-201.
- [19] Sokolovsky S. V. Institutes and practices of production and reproduction of ethnicity // Ethnomethodology: problems, approaches, concepts. No. 11. M., 2005. Pp. 144-167.
- [20] Socio-demographic image of Russia. 2010 Russia census results: official publication. Federal state statistics service. Moscow: IIC «Statistics of Russia», 2012. 183 p. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (accessed on 28.04.2022).